

Россия. 2003. 24 июля. С. 24-25

Тридцать лет назад их имена – каждого в отдельности – знала вся страна, от Белоруссии до Владивостока. Леонид Борткевич – солист самого знаменитого отечественного ансамбля «Песняры» (о котором благосклонно отзывались даже «Битлз»), Ольга Корбут – четырехкратная олимпийская чемпионка, полностью перевернувшая представление о спортивной гимнастике, исполнительница невероятной «петли Корбут». Двадцать лет назад эти имена стали произносить вместе – легенда отечественного спорта вышла замуж за звезду отечественной эстрады, а звездные браки всегда вызывают в народе повышенный интерес. А потом – как отрезало: звездная пара уехала в США...

Любовь

Татьяна Кравченко



«Маленькая и гордая» невеста

Он недавно вернулся. Она осталась там. Почему так получилось? Об этом лучше всего спросить самого Леонида Борткевича.

– Давайте начнем с самого начала. Где вы познакомились с Ольгой?

– Сначала была не история, а предыстория. В 1972 году по радио шел концерт по заявкам спортсменов, которые должны были поехать на Олимпиаду в Мюнхен. И знаменитая Ольга Корбут заявила, что больше всего любит ансамбль «Песняры», песню «Олеся». «Олесю» исполнял я.

После того как Ольга привезла олимпийское золото из Мюнхена, был правительственный концерт во Дворце спорта, где должны были выступать и гимнастки, и «Песняры». Перед концертом Ольга на сцене разминалась, и я специально прошелся пару раз мимо, чтобы ее внимательно рассмотреть. А она глянула на меня как-то вскользь и больше не замечала. Я еще подумал: «Маленькая, а гордая какая».

По-настоящему мы познакомились в самолете в 1976 году, когда «Песняры» первый раз летели на гастроли в Америку. Ольга сидела напротив. Она раз на меня посмотрела, другой. Потом подошла: «Что ты такой грустный? Скучаешь?» «Ты-то тоже не веселишься», – отвечаю. «Ну, тогда давай скучать вместе». Она села рядом со мной, и мы семь часов проговорили. В конце разговора она сказала: «Если я когда-нибудь и выйду замуж, то только не за спортсмена и не за артиста». «Почему?» – «Потому что постоянные гастроли или тренировки – и никакой личной жизни. Какая же семья может быть?»

Подлетаем мы к Нью-Йорку, самолет совершает посадку в аэропорту Кеннеди, к трапу подъезжают лимузины черного цвета с государственными флажками обеих стран. Девочки-гимнастки вдруг притихли: они уже знали, кого так встречают... А наши ребята не поняли, в чем дело, и потянулись к выходу. Тут опустили трап, на него поднялся хорошо одетый человек и, отстранив тех, кто стоял впереди, сказал: «Олга Корбут, плиз!» Немая сцена. Все повернулись к нам, проход освободился, и Ольга легкой походкой пошла к выходу. Ее посадили в шикарную машину, всю остальную команду загрузили в автобус... Она была похожа на ребенка, купающегося в лучах славы.

Тогда в самолете, когда мы подлетали к Нью-Йорку, я записал своей рукой ей в книжку мой телефон и адрес.

Рождественское чудо

– А потом?

– А потом я о ней около года ничего не слышал и не знал. В моей личной жизни назрел кризис, и, как многие мужчины, я попытался утопить депрессию в выпивке. Где-то на четвертый день возлияний раздался телефонный звонок – Ольга. Поговорили мы с ней немного, и вдруг она спрашивает: «Можно я приеду?» «Пожалуйста», – говорю. Через какое-то время – звонок в дверь. Открываю: Ольга. Я как-то замешкался, смотрю на нее во все глаза. Ей это надоело: «Так вы меня, может быть, впустили?» Вот так она и вошла в мою жизнь.

– И вы поженились?

– Не сразу. После Монреальской олимпиады Ольга решила оставить гимнастику.

Она была страшно измотана, нуждалась в отдыхе и решила поехать по стране вместе с «Песнярами». Ведь Советского Союза она практически не видела, все ее выступления проходили за рубежом. Ольга нам всячески помогала. Все, например, любили ее драки. И никто не задумывался, что это драки от олимпийской чемпионки, – естественность и непосредственность всегда были присущи характеру Ольги.

А о свадьбе мы думали, только все никак не могли выкроить на нее время в жестком графике гастролей. Свадьба состоялась 7 января 1979 года. Гостей было более 200 человек, корреспондентов пригласили только наших, но фотографии со свадьбы все равно попали на газетные полосы всего мира. Танцевальную программу играла тогда еще молодая группа «Верасы». В общем, было весело. Ну а в конце свадьбы мы так устали, что сбежали.

С днем свадьбы совпало одно очень печальное событие. В то время, пока мы в Минске ехали в ЗАГС, в квартиру Ольгиных родителей в Гродно забрались воры и вынесли из ее комнаты все подчистую. Все, что она выиграла за многие годы. Дело было не в денежном эквиваленте – для Ольги эти вещи бесценны. Особенно жаль ей было золотую брошь – подарок американского президента Ричарда Никсона с его автографом. Слава богу, «Золотой камертон» – знак ЮНЕСКО – не унесли: то ли пожалели, то ли побоялись.

Года через два или три воров нашли. Случайно. Состоялся суд, но вещи не вернули. Обиднее всего было то, что обокрали Ольгу ее же друзья, бывшие друзья.

Гимнасты! Те, кто в дом был вхож...

– Вы поженились, а дальше?

– А дальше по-прежнему ездили по всей стране – я с гастролями, Ольга со мной. Какие счастливые это были годы! Мы любили друг друга – честно, преданно, безоглядно. Об этом счастливым времени, наверное, самом счастливым в моей жизни, – о «Песнярах» и об Ольге – я подробно рассказал в своей книге (она должна выйти в сентябре).

Все врачи нам упорно доказывали, что у Ольги никогда не будет детей после того, что двенадцать лет она вытворяла на гимнастическом помосте. И мы оба были убеждены, что нашей семье суждено остаться неполной, и эту тему деликатно обходили. Однажды утром мы прилетели с очередных гастролей из Москвы. Ольга готовила на кухне обед. И вдруг я слышу: «Леня, иди сюда. У меня, наверное, радикулит. Спина начинает болеть». «Ну да ладно, – думаю, – радикулит как-нибудь переживем». Потом эта боль начала ритмично повторяться. Странный радикулит. Я перепугался и позвонил маме. А мама спрашивает: «Сынок, а Ольга, случаем, не беременна?» Так, неожиданно для самих себя, мы стали счастливыми родителями маленького Ричарда (сына назвали в честь прадеда).

Тяжелые времена

В 1980 году я поступил в ГИТИС и ушел из «Песняров» – невозможно было совмещать напряженную работу в ансамбле и учебу. А Ольга пять лет своей жизни отдала семье – готовила, прибирала, стирала, воспитывала малыша. После того как она ушла из гимнастики, решением Совета Министров СССР ей был определен пожизненный оклад в 300 рублей. И еще у нас была большая коллекция пластинок, стереоаппаратура, несколько колец, одно из которых – в форме бриллиантового паука с изумрудами на лапках – было уникальным. По нашим расчетам, после ухода Ольги из спорта мы могли довольно долго продержаться на плаву только за счет продажи всего этого. Но та самая кража, случившаяся в день нашей свадьбы, сильно подорвала наши финансовые дела. А через какое-то время и Олин оклад в 300 рублей сняли, жить стало трудно: уже за неделю до полочки начинали занимать десятки у соседей. И я вынужден был в по-

исках заработка практически не выезжать из гастролей. Ольга часто ездила со мной.

Потом, когда мы решили с Олей, что нашей семье нужен второй ребенок, его появление не было уже неожиданностью и секретом ни для нас, ни для окружающих. Наверное, ее организм начал постепенно отходить от тех изменений, которые привнесли в него ее фанатичные занятия гимнастикой. Когда пришел срок, мы с женой бродили как тени по квартире, боясь подойти к надрыгающему телефону. Звонили со всего света: с кем поздравить? Поздравлять было не с кем: по недосмотру врачей ребенок, который еще за сутки до родов был совершенно нормальным, здоровым, живым, родился мертвым. А у нас уже готово было имя: Иванушка...

– В последнее время в американской прессе и в Интернете появилась серия статей, касающихся отношений Ольги и ее тренера Ренальда Кныша. Вы не могли бы как-то прокомментировать эту историю?

– Ренальд Кныш был гениальным тренером. Он сам был гимнастом, а потом получил травму, ему после этого путь в гимнастику был заказан, и он воплощал в Ольге то, что уже не мог выполнить сам. В результате получалось нечто среднее между тем, что она могла сделать, и тем, что он придумывал. Многие из тех элементов до сих пор никто не выполняет. Конечно, тренер очень много сделал для Ольги. Не будь в ее жизни Кныша – возможно, и не было бы легенды Корбут.

Незадолго до нашего отъезда в Америку (Ольга гимнастику уже давно оставила) точно так же Кныш поступил еще с одной своей ученицей (той было лет 14–15). Мама девочки заявила в милицию, на Кныша завели дело. Ольга тогда сказала: если его за это засудят, то тень падет и на нее. И мы с ней пошли к Генеральному прокурору республики и попросили (я – моим авторитетом, Ольга – своим), чтобы дело закрыли. Но потом у Кныша еще раз произошел такой же случай...

– А почему вы уехали в Америку?

– На родине у Ольги дела шли все хуже и хуже. Она чувствовала, что перестала быть интересна и нужна в отечественном спорте. Ольга жаждала работать. А ее только по рукам били и ни к чему серьезному не подпускали. Она называла себя «Оленька – дурочка для внутреннего употребления, а

Борткевич Леонид